

Украинские женщины на войне: от Женской Сотни до «Невидимого батальона»

Тамара Марценюк, кандидатка социологических наук, доцентка кафедры социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия»

Недавние события в Украине, связанные с протестами на Евромайдане (2013–2014 гг.) и позже вооруженный конфликт в восточной части страны, повлекли за собой изменения роли женщины как в украинском обществе, так и в семье. С одной стороны, угроза насилия и бедности делает женщин более уязвимыми по отношению к новой социально-экономической ситуации. Женщины составляют большинство среди ВПЛ (внутренне перемещенных лиц) из Восточной Украины, которые несут ответственность за детей, родственников пожилого возраста и людей с инвалидностью. С другой стороны, во время этих бурных событий украинским женщинам удалось оспорить традиционные гендерные роли (связанные с заботой и образом жертвы) и получить признание и уважение со стороны общества, за их активную гражданскую позицию и волонтерство. Предлагаю рассмотреть это более детально на примере активизма женщин в период протестных действий на Майдане и в войне на Донбассе.

Женские инициативы и Майдан

Хотя Майдан часто показывали преимущественно через баррикады, горящие шины, коктейли Молотова, целесообразно утверждать, что это событие не стоит считать гомогенным явлением. Трехмесячные протесты следует рассматривать как набор ряда так называемых низовых инициатив, организованных и женщинами. На Майдане женщины прежде всего выполняли так называемую репродуктивную работу (приготовление пищи, уборку, уход за другими и т.д.). В патриархальном обществе этот тип работы закрепленный за женщинами, считается мало престижным и почти не оплачивается. Вместе с тем это значительная часть работы, без которой и оплачиваемый труд и длительный протест сложно представить.

Женские инициативы и Майдан: кухня



Едва ли не самым возмутительным для женщин на Майдане был дискурс патернализма: мужчины принимали за женщин решения об участии в протестах. Нередко были слышны сообщения типа: «Женщин и детей призываем на ночь покинуть Майдан». Активистка Нина Потарская возмущалась: «...так унижительно было слышать со сцены что-то вроде "женщины, сделайте приятное мужчинам, им надо расслабиться...". Это больше похоже на эскорт-сервис, а не благодарность женщинам за то, что они участвуют в жизни Майдана наравне с мужчинами».

Результаты опросов участников Майдана подтверждают идею о милитаризации протестного пространства. Если в начале протестов (в декабре 2013 года) женщины составляли почти половину участников (44%), то когда Майдан превратился в (полу)военное образование (оградился баррикадами), женщин (которые постоянно находились на Майдане) стало значительно меньше — всего 12%. То есть, когда стал возрастать воинственно милитаристский дух, женщин активнее стали исключать из протестного пространства.

Такая политика исключения и сексизм способствовали появлению альтернативных женских формирований. Начали образовываться так называемые женские сотни. Это были как формальные («39

Женская сотня Самообороны Майдана», «Женская чета 16 сотни Самообороны Майдана»), так и различные неформальные объединения («Женская сотня им. Ольги Кобылянской», «Женская сотня Запорожья», «Сестринская сотня г. Днепро» и др.).

Объединения женщин использовали военную терминологию (например, деление на «сотни»), но наполняли ее другим значением. В частности, «Сестринская сотня» — «это общественное объединение неравнодушных женщин Днепра, которые собрались для отстаивания идей Евромайдана мирным путем». А Женская сотня им. Ольги Кобылянской своими ценностями обозначила «права человека, человеческое достоинство, свободу, равенство и недискриминацию», а целью деятельности — «активизацию женского протестного движения и поддержку Евромайдана на принципах солидарности, сестринства и взаимоуважения». Основательница 39 Женской сотни Анна Коваленко отметила, что «за три дня сотня набрала более 150 женщин». Позже эта сотня начала программу поддержки женщин, участвующих в АТО (Антитеррористической операции).

Катерина Чепура, активистка организации «Видсич» («Отпор») и руководительница «Женской четы 16 сотни Самообороны Майдана», рассказала о причинах формирования четы: «Женская чета создавалась из-за гендерной политики Майдана. Наша организация и до Майдана была, мы уже четыре года существуем, а на Майдане мы просто стали сотней. Хотя у нас в организации больше девушек, проблема была в том, что когда наши девушки приходили на Майдан что-то делать, мы постоянно имели проблему с тем, что свои самообороневцы [им говорили]: "Вы — девушки, что вы здесь забыли, идите отсюда"».

39 Женская сотня Самообороны Майдана



Привлекает внимание и онлайн фейсбук-инициатива Нади Парфан «Половина Майдана: Женский голос протеста», которая собрала больше полутысячи участниц и участников и также сопровождалась рядом акций на Майдане (например, «Ночь женской солидарности») и за его пределами. Журналистка Кристина Бердинских создала инициативу «Є люди» или «Есть люди», чтобы показать «простых» людей протестного пространства. Ирина Виртосу издала книгу «Майдан. Женское дело», которая состоит из интервью с 17 героинями и включает описание десятка женских инициатив. Все эти примеры демонстрируют тот факт, что женщины были активными участницами протестных активностей на Майдане, несмотря на сексизм, они находились в гуще событий. Многие активистки Майдана продолжили свою волонтерскую деятельность или приняли участие в военных действиях на Востоке Украины, в АТО.

Проблемы интеграции женщин в вооруженные силы

В военной социологии ведутся дискуссии как об участии женщин в армии, так и о способе функционирования самой современной армии: должна ли она представлять собой закрытую профессиональную группу или должна реагировать на социальные изменения, в частности на изменение роли женщины в обществе?

Американская исследовательница Мэди Сигел (Mady Segal) выделила три группы факторов, стимулирующих интеграцию женщин в армию: (1) изменение вооруженных сил; (2) изменение социальной структуры общества и (3) изменение культуры. Под изменениями в вооруженных силах исследовательница понимает смену концепции национальной безопасности, военной технологии, организационной структуры армии и др. Изменение социальной структуры общества заключается в том,

что в течение последних десятилетий количество женщин на рынке труда и в публичной сфере резко увеличилось, а армия — это и то и другое. К культурным факторам Сигел относит изменения культурных ценностей по отношению к роли женщины в западных обществах и популярность либерального принципа равенства прав и возможностей.

Женская чета 16 сотни Самообороны Майдана



Гендерная проблематика в общественно-военных отношениях сегодня занимает важное место. Это вызвано главным образом тем, что вооруженные силы находятся в состоянии трансформации. Для них теряет свое значение физическая сила и агрессия, которая считается традиционно «мужской» чертой. Это и является главным аргументом сторонниц и сторонников привлечения женщин в военные структуры. Вторым ключевым аргументом является то, что женщины имеют такие же права и обязанности, как и мужчины, в связи с этим их участие в функционировании вооруженных сил должно быть равнозначно мужскому.

Соответственно, аргументы за интеграцию женщин в вооруженные силы можно разделить на две категории. Первая касается социальной справедливости, ценности гендерного равенства; вторая — социального опыта женщин, отличного от мужского. Вопросы социальной справедливости, воплощения идеи равных прав и возможностей для женщин и мужчин участвовать в различных сферах жизни общества решаются прежде всего на законодательном уровне. В частности, в Резолюции 1325 Совета безопасности (2000) подчеркивается важность видения женщин не только в роли жертв конфликтов, но и как участниц разрешения конфликтов и миротворческой деятельности наравне с мужчинами. Что касается второго типа аргументов за интеграцию женщин в вооруженные силы, то Наталья Дубчак (офицер отдела гуманитарного развития Департамента гуманитарной политики Министерства обороны Украины, капитан Вооруженных Сил Украины) отмечает, что обобщенная информация о состоянии воинской дисциплины, свидетельствует, что именно женщины составляют наименьшую долю нарушителей. По отзывам непосредственных начальников, женщины более ответственные, организованы и дисциплинированы. Подобные аргументы возвращают нас к биологическому детерминизму, который подчеркивает различия между мужчинами и женщинами, но вместе с тем, объяснить такое поведение можно и разным социально-ожидаемым опытом женщин и мужчин.

Война и феминизм: точки соприкосновения

На уровне общественного сознания война является традиционно «мужским» делом. Женщины рассматриваются в качестве объектов (жертв войны), в то время как мужчины являются ее субъектами и агентами. Стереотипно война представляется нам через образы мужчин с оружием в руках и женщин, которые, в лучшем случае, выполняют на фронте обслуживающую роль, например, медицинской работницы, а в худшем — ждет мужа дома, пока он ее и всех остальных защищает. Также роль женщин в военных конфликтах может быть миротворческой, а позиция — пацифистской.

Феминистские исследовательницы отмечают символическое конструирование нации в публичном дискурсе, в котором гендерные роли поляризованы: мужская роль — защищать отечество, женская — отвечать за биологическое воспроизводство. Джоан Нейджел рассматривает национальное государство как маскулинный институт и исследует «скрытую историческую и современную связь между мужским

полом и государством». Так, «настоящими акторами» националистической борьбы представляются мужчины, которые защищают свою свободу, честь, отечество и жену. Авторка отмечает: «Маскулинность и национализм хорошо дополняют друг друга, современная форма западной маскулинности появилась примерно в то же время и в том же месте, что и современный национализм».

Как отмечает Елена Дудко, идея женщин-военных и женщин, которые воюют, является краеугольным камнем для различных феминистских подходов. Так, некоторые феминистки утверждают, что привлечение женщин к военной службе является важным для достижения равных прав и ведет к получению полноценного гражданства. Такая позиция свойственна либеральному феминизму. Другие исследовательницы считают, что милитаризм вряд ли может принести больше равенства для общества в целом, и отстаивают принципиально пацифистские и антимилитаристские взгляды. В частности, армия с позиции радикального феминизма должна перестать существовать, а военные должны отказаться от осуществления насилия.

Тема женщин на войне также активно обсуждается в фем-активистской среде Украины. Мнения о том, стоит ли женщинам участвовать в боевых действиях, различаются у феминисток. Одни считают, что женщины должны юридически и фактически быть равными с мужчинами во всех сферах деятельности, и армия — не исключение, ведь трудовые права женщин в силовых структурах нарушаются. Другие настаивают на том, что война — это «мужские игры», что склонность к насилию является составной частью мужской социализации и женщинам не стоит принимать в этом участие.



Женщины в вооруженных силах Украины

Вооруженным силам Украины, как и украинскому рынку труда в целом, присуща вертикальная и горизонтальная гендерная сегрегация. Постепенно увеличивающееся количество женщин в военной сфере, соответствует общемировым тенденциям развития государства. Однако рост численности женщин-военнослужащих, прежде всего на службе по контракту, можно объяснить нежеланием мужчин занимать малооплачиваемые должности.

Женщины занимают так называемые «феминизированные» специальности: медицина, финансы, логистика, связь. Работницы вооруженных сил Украины сталкиваются с гендерной дискриминацией и предвзятым отношением со стороны начальства. Так, согласно результатам социологического опроса украинских женщин-военнослужащих (2010), основную причину гендерной дискриминации они видят в устаревших представлениях о роли женщины в обществе; несовершенстве нормативно-правовой базы в вопросах защиты прав человека и гражданина (независимо от его пола), отсутствии действенных механизмов внедрения идей гендерного равенства.

Вооруженные силы Украины имеют разработанную гендерную политику, которая соответствует общегосударственной гендерной политике и предусматривает обеспечение эффективного внедрения гендерного подхода в жизнедеятельность войска для создания гарантий равных прав и возможностей человека независимо от пола. Однако возникает проблема как с применением механизмов, так и с реалистичностью заявлений по поводу внедрения политики равных прав и возможностей женщин и мужчин.

Доступ женщин к вооруженным силам и военной службе регламентирован документами: временным перечнем военно-учетных специальностей и штатных должностей рядового, сержантского и старшинского состава и военнослужащих-женщин и тарифных перечней должностей вышеупомянутых военнослужащих; перечнем должностей офицерского состава, на которые могут быть назначены женщины, принятые на военную службу по контракту в добровольном порядке; перечнем специальностей, по которым женщины, имеющие соответствующую подготовку, могут быть поставлены на воинский учет. Еще одной из проблем правового статуса женщин-военнослужащих является то, что он регулируется не только нормами военного законодательства, но и положениями различных отраслей права (например, Кодекса законов о труде Украины). В соответствии с Кодексом законов о труде Украины запрещается применять труд женщин на тяжелых работах и на работах с вредными или опасными условиями труда, привлекать их к подъему и перемещению вещей, масса которых превышает установленные для них предельные нормы. То есть существуют ограничения в доступе женщин к определенным профессиям.

«Невидимый батальон»: положение женщин на войне

Название социологического исследования о положении женщин, воюющих в АТО, метафорически называется «Невидимый батальон». Его инициировала и придумала Мария Берлинская, аэроразведчица, руководительница волонтерской организации «Центр поддержки аэроразведки». «Невидимый» — потому что интересы и потребности женщин, которые воюют в АТО (мобилизованные или в составе добровольцев), довольно часто игнорируются государством. Батальон — поскольку по состоянию на начало октября 2015 года (завершение исследования) участие в проведении АТО приняли около 1000 женщин-военнослужащих. Всего службу в Вооруженных силах Украины (ВСУ) по состоянию на начало октября 2015 проходили около 14,5 тыс. женщин-военнослужащих и 30,5 тыс. сотрудниц вооруженных сил. Почти 2 тыс. из них — это офицеры и 35 женщин-военнослужащих занимают руководящие должности в Минобороны, Генштабе и других видах ВСУ. То есть присутствует явление вертикальной гендерной сегрегации.



Эмпирическая часть исследования, которая касается собственно изучения положения женщин в ВСУ и их участия в боевых действиях в АТО, состояла из двух частей: кабинетной и полевой. Кабинетная часть представляла собой изучение и анализ отечественных и некоторых международных исследований, доступной публицистической информации; результатов официальных запросов о соответствующей статистической информации от Министерства обороны и Министерства внутренних дел; законодательства в отношении женщин в вооруженных силах. Полевая часть была проведена с использованием качественных социологических методов: глубинных полуструктурированных интервью с женщинами, которые находятся или находились в АТО; интервью с экспертками и экспертами; наблюдения (участия в нескольких событиях), контент-анализ медийных сообщений. Исследование проводилось летом–осенью 2015 года.

Согласно результатам эмпирического исследования - опроса 42 женщин, которые воюют в АТО, -основные проблемы, на которые указали почти все респондентки, — отсутствие или недостаток возможности принимать решения в армии. Женщины фактически не допускаются к принятию решений в вооруженных силах. Многие из них не являются официально оформленными и фактически не имеют возможности получить оплату за свой труд, статус участницы боевых действий и в дальнейшем — государственные

льготы. Другая проблема состоит в том, что некоторые женщины оформлены не на те должности, которые фактически занимают. То есть их ограничивают, объясняя это тем, что в штатных расписаниях нет таких должностей для женщин. Отдельные вопросы, которые остаются без внимания государства связаны с бытом: нехватка специализированного медицинского обслуживания для женщин, формы и обуви соответствующих размеров, неудовлетворительные условия проживания. Фактически инфраструктура ВСУ обустроена под нужды мужчин и не учитывает присутствие в армии женщин с их специфическими потребностями.

Экспертные опросы дали возможность более тщательно оценить ситуацию с интеграцией женщин в вооруженные силы, дополнить мнения участниц «невидимого батальона». Например, одна из эксперток отмечает интернализированные самими женщинами гендерные стереотипы: «Активно участвуя в АТО, они считают, что их функции, их задача второстепенны по сравнению с тем, что выполняют мужчины». Женщины далеко не всегда верят в свои силы, чтобы идти на традиционно «мужские» профессии.



Вместо выводов

Результаты нашего исследования показывают что, женщины используются государством для пропаганды мобилизации. Но дальнейшая судьба женщин профессионально и успешно интегрированных в вооруженные силы страны (на данный момент) не определена. Например, внедрение новой патрульной полиции Украины может быть примером вовлечения женщин в структуры полиции. Но предоставление женщинам статуса ветеранок АТО, остается открытым вопросом. Более того им требуется поддержка со стороны женских организаций. Необходимо более активное привлечение женщин в сферы национальной безопасности и на уровень принятия решений по обороне страны.

Доклад был сделан в рамках VI Международного Конгресса исследователей Беларуси в Каунасе (Литва) на секции 4 Гендерная даследаванні/ Gender studies

Список литературы:

1. Від Майдану-табору до Майдану-Січі: що змінилося? / Прес-реліз від 6.2.2014. Київський міжнародний інститут соціології [Електронний ресурс]. — Режим [доступу](#)
2. Данилова Н. Армия и общество: принципы взаимодействия. — СПб.: Норма, 2007. — 344 с.
3. Дубчак Н. Сильний бік «слабкої» статі // Информационно-просветительское издание «Я», Специальный выпуск «Новые роли для украинских женщин». — Х.: Харьковская женская организация «Крона», 2009. — С. 25
4. Дудко Є. Гендерована війна: феміністичний аналіз // Журнал соціальної критики «Спільне», 28 листопада 2014 р.
5. Майдан — 2013: Хто стоїть, чому і за що? [Електронний ресурс] / Прес-реліз від 10.12.2013. Київський міжнародний інститут соціології. — Режим [доступу](#)
6. Майдан: Жіноча справа. — К.: Український жіночий фонд, 2014. — 58 с.
7. Марценюк Т.О. [Гендер і нація в українському суспільстві: маскулінності та Євромайдан 2013-2014](#) // Я: гендерний журнал. — 2015 (37). — № 1. — С. 4-9.
8. Марценюк Т.О. [Гендерна соціологія Майдану: роль жінок у протестах](#) // Постсоціалістичні суспільства: різноманіття соціальних змін. Матеріали Сьомих Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В. Паніної та Т.І. Заславської / За наук. ред. Є.І. Головахи та О.Г. Стегнія. — К.: Інститут соціології НАН України, 2014. — С. 146-160.

9. Марценюк Т., Гриценко Г., Квіт А., Берлінська М. [«Невидимий батальйон»: участь жінок у військових діях в АТО \(соціологічне дослідження\)](#) / за ред. Т. Марценюк. — Український жіночий фонд, 2015. — 89 с.
10. Нейджел Дж. Маскулінність та націоналізм; ґендер та сексуальність у творенні націй // Незалежний культурологічний [часопис](#) «І». — 2003. — № 27
11. Резолюція 1325 (2000): Организация Объединенных Наций Совет Безопасности, Принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании, 31 октября 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим [доступа](#)
12. Ставлення військовослужбовців до гендерної рівності та її утвердження у Збройних Силах України: Звіт за результатами соціологічного дослідження / Міністерство оборони України, Науково-дослідницький центр гуманітарних проблем Збройних сил України. — К., 2011. [електронний документ, наданий Міністерством Оборони України]. — 66 с.
13. Хромейчук О. Гендер і націоналізм на Майдані // [Historians.in.ua](#), 27 жовтня 2015 р. [Електронний ресурс]. — Режим [доступу](#)
14. Onuch O., Martsenyuk T. [Mothers and Daughters of the Maidan: Gender, repertoires of violence, and the division of labour in Ukrainian protests](#) // Social, Health, and Communication Studies Journal (Contemporary Ukraine: A case of Euromaidan). — Vol. 1(1). — 2014. — P. 80-101.
15. Segal M. W. Women's Military Roles Cross-Nationality: Past? Present? And Future // Gender and Society. — 1995. — Vol. 9 — № 6. — p. 757-775.
16. Yuval-Davis N. Gender and Nation. — SAGE Publications Ltd., 1997.

Тамара Марценюк, Гендерний маршрут